

Неаполь - город Достоевского.

Photo Napoli Teatro Festival

«Преступление и наказание» на улочках Испанского квартала Неаполя

Международный театральный фестиваль в Неаполе (4- 27 июня) прошел в этом году под знаком Достоевского. Napoli Teatro Festival- фестиваль молодой, он проводится всего в третий раз. 20 городов Италии боролись за право на его основание, но к финишу вышли только Венеция и Неаполь. В итоге победил Неаполь- северному городу-музею предпочли более живой, динамичный город юга.

Нет наверное другого города в мире, где бы так естественно переплетались между собой искусство и жизнь, как в Неаполе. Именно на этом основывается концепция фестиваля, выдвинутая его директором Ренато Куалья- весь огромный город становится естественной театральной декорацией. И тут не только эстетический поиск новых форм, но своего рода попытка реабилитации Неаполя, больше известного в мире в последние годы криминальными историями мафии. Кстати, в будущем году именно квартал Скампия, в котором происходит действие знаменитого фильма «Гоморра», станет одним из протагонистов фестиваля.

В этом же году, несомненно, Неаполь -город Достоевского. В историческом центре два вечера подряд играют «Преступление и наказание», тогда как на окраине, в помещении бывших пивоварен Петер Штайн показывал свою двенадцатичасовую инсценировку «Бесов», которые надо было прожить весь день, в соборном единении сцены и зала. Впрочем, «Бесы» в этом сезоне можно будет увидеть по всей Европе, тогда как «Преступление и наказание» -спектакль придуманный специально для Неаполя.

Петербург Достоевского, город мрачный, холодный, враждебный человеку. Ну спрашивается, причем здесь звонкий, яркий, южный Неаполь? Сильвия Гарбуджино и Гаэтано Вентрильо, создатели неаполитанского «Преступления и наказания». считают иначе. Первое глубокое сходство они нашли в описании Достоевского, с которого начинается роман «В начале июня, .. на улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, и тд.» с тем, что можно было бы назвать атмосферой Неаполя: жара, толпа, атмосфера разврата и преступления, и все это на фоне страстей нешуточных и веры иступленной. Потом Петербург Достоевского они открыли в трущобах и запутанных улочках старого Испанского квартала, куда до сих пор туристам ни в какое время дня ходить особо не рекомендуется. Когда попадаешь сюда, в самом деле вспоминаешь город грязных дворов-колодцев, в которых разыгрываются события «Преступления и наказания». Помните, из крохотной клетушки, жилища бывшего студента, по Садовой, Гороховой и другим улицам Петербурга идет Раскольников к старухе-процентщице.. Спектакль, который играется в два вечера, строится как путь, метафора духовного пути Раскольникова от убийства к искуплению. Причем, все главные роли, и Сони, и Мармелодова, и Катерины Ивановны, и Порфирия Петровича исполняет Сильвия, а Гаэтано - Раскольникова.

Photo Napoli Teatro Festival

Раскольников- Гаэтано Вентрильо

Начинается действие в остерии «Da Umberto»: зрителей, человек 20, рассаживают за накрытыми столиками с вином и закусками, они знакомятся, завязываются разговоры. Вдруг дверь распахивается, входит певичка с гитаристом, и заводят какую-то надрывную неаполитанскую канцону. Потом появляется Раскольников, садится к одному из столиков. Пристроившаяся у самого входа девица в мужском костюме с горящими лихорадочными глазами начинает, обращаясь к Раскольникову: « А осмелюсь ли, милостивый государь...» Сильвия играет пронзительно высшую муку болезненной души, и тут не так уж важно, женщина это или мужчина, исповедь ее Мармеладова буквально обрушивается на нас. А мы, праздные, слушаем, как бы даже с недоумением: со времен

Достоевского ничего не изменилось. Потом вслед за Раскольниковым отправимся проводить Мармеладова к жене его, Катерине Ивановне... Потом будет хождение по узким улочкам, подворотням, с короткими остановками в настоящем театре, и все в сопровождении бродячих музыкантов, девицы с барабаном и парня с гитарой... Свидания со святой грешницей Соней в каменной подворотне жилого дома. Возле другого дома мы оставим Раскольникова, отправляющегося на убийство. Оттуда начинается путь в преисподнюю, какие-то подвалы-лабиринты, где мы слышим рассказы - сны об убийстве, где встречаются малолетние проститутки, признается в убийстве Николка и тд. Слышны звуки улицы, перекликающиеся голоса, иногда какой-то странный, живописный пьяньский прибьется к нашей процессии или засмотрится неаполитанка, вышедшая на балкон развесить белье. Сквозь канву Достоевского проглядывает Эдуардо де Филиппо, традиция неаполитанского народного театра, или даже комедии дель арте- следовательно Порфирий Петрович здесь явно примеряет маску Панталоне.

Если сама идея оригинальная, многое в этом спектакле не сыграно, а лишь обозначено. Но тут поражает фанатизм, с которым относятся к Достоевскому итальянцы- последнюю часть, эпилог, полчаса читают рассаженным в кружок на сцене театра зрителям в полтора ночи, и никто не уходит, все сидят, слушают.

А на окраине Неаполя, посреди железобетонных конструкций бывшей пивоварни, играли другой роман Достоевского. «Бесы» в постановке Петера Штайна начинаются утром, с почти комедийной легкости сцены Степана Трофимовича и Варвары Петровны, а заканчиваются к полуночи, трагедиями и смертями. Так цикл природный от солнца к сумеркам совпадает с циклом человеческой жизни. 12-ти часовой спектакль состоит из 7 полуторачасовых эпизодов и множества антрактов, в том числе двух больших, в течение которых зрители и актеры разделят вместе трапезу. Так постепенно в течение этого дня, по мысли режиссера, происходит некое соборное единение сцены и зала, позволяющее по настоящему почувствовать Достоевского.

Photo Boccalini

Степан Трофимович - Элиа Шильтон, Варвара Петровна-Маддалена Криппа

Замысел спектакля родился из предложения директора Туринского театра поставить инсценировку Камю, но Штайну этого оказалось недостаточно, он решил поставить «Бесов» целиком. На 12-ти часовой марафон бюджета в Турине не оказалось. Поэтому вначале над спектаклем работали лабораторным методом в имении Штайна в Сан Панкразио, где в последние годы обосновался легендарный берлинский режиссер, и даже построил здесь маленький театр. Отсюда главный принцип постановки - история Достоевского рассказана через перформанс 26 актеров, тогда как вся сценография сведена до минимума. Штайн из числа немногих европейских режиссеров, по настоящему умеющих работать с актерами, здесь каждая роль выписана так филигранно, так точно подобраны все типажи, так явственна игра в ансамбле, что даже не понимая итальянского, можно с упоением следить за происходящим на сцене. Здесь не только идейные споры важны, здесь живые люди, которые любят, ненавидят, страдают. Великолепная Маддалена Криппа – Варвара Петровна, трогательный в своей старомодной привязанности и смешной в своих пустословных притязаниях Степан Трофимович Элиа Шильтона. Но главный герой, несомненно, Николай Ставрогин Ивана Аловизио- лощеный изящный красавец с горящими дьявольским огоньком глазами.. Достоевский не только предвидел тоталитаризм, терроризм и все другие беды XX века, произошедшие вследствие переворота бесов, поставивших на место бога идеологию. В циничном равнодушии Ставрогина, впадающего от одной чудовищной крайности в другую, лишь бы заполнить внутреннюю пустоту, Штайну видится зловещее зеркало, которое протягивает Достоевский уже нашей с вами эпохе: «Ставрогин- ни нигилист, ни революционер. Он - воплощение пустоты, безразличия, все ему едино, любая вера, любая идеология. Разве не в этом главная болезнь современного западного человека? Далеко за примерами ходить не придется, откройте любую газету...».

.

.